

этапе социалистических преобразований. Думается, напротив, эти ошибки недавнего исторического периода сегодня более отчетливы, и мы обязаны открыто о них говорить, чтобы они не повторялись в будущем.

На практике зачастую не учитывался специфический характер литературы. Искусство писателя нередко истолковывалось слишком ограниченно, как прямое, а не опосредствованное, «профильтрованное» отражение политики, что часто превращало поэзию просто в лозунг, в кризис. Были тогда хорошие поэты, но появлялось и достаточно много макулатуры. Аналогичные явления наблюдались и в критике... Сложным явлениям выносился однолинейный приговор, и это привело к тому, что литература перестала быть полифоничной, многообразной».

Такова ошибочная тенденция прошлых лет, тормозившая успешное развитие литературы. Но борясь сегодня за плодотворное обновление и многообразие искусства, не следует забывать и о другой опасной крайности:

«Критика прошлых заблуждений отнюдь не означает, как полагают некоторые, призыва к меньшей насыщенности политического и социального содержания литературных произведений. Большая литература, как показывает история, ее основные произведения, не могут существовать без высокой социальной ответственности, гражданского мужества, гуманистического звучания. Как содержание общественной жизни, так и соотношение литературы с обществом сохранили и сегодня свои основные черты, которые сливаются с историческими координатами социализма».

Заключительный вывод интересной и острой статьи В. Никоровича — это серьезный призыв к критикам смелее и проникательнее вторгаться в современный литературный процесс.

«Если суждения и критические мнения звучат в унисон — это значит, сложный литературный механизм разладился... Обсуждение литературного опыта должно стать важной темой в постоянном диалоге и дискуссиях, призванных отразить развитие нашей сегодняшней литературы».

В. СОКОЛОВ

ПУТЬ САМУРАЯ

Бусидо — «путь самурая», моральный кодекс его поведения. Если верить японскому «Историческому словарю», вышедшему в 1960 году, эта «идеологическая основа господства феодализма, появившаяся в Хэйанскую эпоху (VIII в.— В. Г.), в дальнейшем утратила практическое значение, формализовалась».

Но, как показывают последние события в Японии, дух бусидо все еще не выветрился из сознания некоторых японцев, в первую очередь националистов.

В конце прошлого года покончил с собой, причем старым самурайским способом, сделав харакири, известный японский писатель Юкио Мисима. Это демонстративное самоубийство — протест против того, что правительство слишком медленно и нерешительно, как считал Мисима, возрождает армию, — вызвало новую вспышку милитаризма в Японии.

Мисима был кумиром японских милитаристов и ультранационалистов, он отражал взгляды тех, кто мечтает о возрождении «великой японской империи», о возрождении идеи «великой восточноазиатской сферы процветания». Харакири Мисима, в националистическом угаре потерявшего чувство реальности, — закономерный итог последних лет его жизни и творчества. Ведь совсем не случайно в фильме «Скорбь о родине», в котором Мисима выступал в качестве автора, режиссера и исполнителя главной роли, герой, Мисима, вспарывает себе живот. Теперь он повторил это в жизни.

Ультранационализм как оружие против демократического движения — так коротко можно охарактеризовать его позицию, которую разделяет не так уж мало людей в нынешней Японии, в том числе писателей.

Еще два года назад Мисима опубликовал статью «Идея защиты культуры», в которой заявлял, что

«отрицать власть императора — значит ставить японскую нацию перед лицом кризиса».

Обращаясь с балкона к солдатам «сил самообороны», перед тем как сделать себе харакири, он говорил:

«Защитить Японию — значит защитить кровные и культурные традиции, воплощенные в императоре».

По его мнению, японскому народу «нечего делить».

«Япония — страна одной нации, одного языка, что не часто встретишь в современном мире, и наш народ, в общем владении которого находятся языковые и культурные традиции, издревле обладает и политическим единством. Преемственность нашей культуры основывается на нерасторжимом единстве народа и государства».

Нужно сказать, что Мисима не был оригинален в своих попытках снова провозгласить старый японский империалистический лозунг «Хакко-итиу» — «Весь мир — один кров», служивший оправданию агрессии. Правда, Мисима ограничивал его рамками Японии — «Вся нация — один кров». Мысль об однородности японского общества, о полной его гармонии в последнее время звучит все настойчивее. Писатель Рётаро Сиба в беседе, организованной журналом «Бунгэй сундзю», заявил даже, что японское общество —

«первое в истории человечества общество, в котором нет классов. И это предопределено всем ходом исторического развития Японии».

По мнению Сиба, превращение японского общества в бесклассовое вполне закономерно:

«Японское общество — это общество «встречных течений», в котором отсутствовали в своем классическом виде и господствующие классы и низкие классы, и поэтому их сближение происходит довольно безболезненно».

Эта картина всеобщего братства японцев вполне импонирует националистам. Под словами Сиба охотно подписался бы и Мисима. Тем более что идея «надклассового мира» ему всегда была дорога, а глубокие социальные сдвиги, происходящие в современном обществе, он трактовал как примитивный вульгаризатор. Это определяло отношение Мисима к любому движению, окрашенному даже в самый легкий розовый тон. Отсюда и его резко отрицательное отношение к студенческим волнениям в Японии.

Эти волнения объясняют по-разному. Известный американский японовед Э. Зайденшикер выдвигает, например, идею, что юноши и девушки, вчерашние выходцы из деревни, чувствуют себя одиночками в огромном городе и стадное чувство — главное не оторваться от товарищей — может подвинуть их на что угодно. Он считает это проявлением антиинтеллектуализма, который, по его мнению, присущ японцам. Такого рода толкования мало что объясняют, к тому же несправедливость их очевидна. Согласно другой точке зрения, студентов «мутят» ультралеваки, которые якобы пытаются, создав в захваченных университетах нечто подобное «революционным базам», поднять восстание во всей Японии. Такое объяснение тоже неверно, так как слишком упрощает проблему. Ясно одно — студенческие волнения в Японии имеют глубокие социальные причины, и с ними нельзя не считаться, нельзя отбросить, объявив все «блажью» студентов.

Как бы то ни было, гармония, существующая якобы в японском обществе, о чем с таким пафосом говорил Сиба, о чем мечтал Мисима, оказалась не более чем химерой. Студенты, которым следовало бы лучше других знать, что «народ и государство едины», не нашли ничего лучшего, как «взбунтоваться». Кто в этом виноват? Мисима был склонен обвинять во всем самих профессоров и студентов и утверждать, что правительство лишь вынуждено было принять ответные меры.

«Больше, чем занимающихся студентов, я люблю студентов, участвующих в студенческом движении». Как вы думаете, кому принадлежат эти слова? — вопрошал Мисима. — Бывшему ректору Кадзуо Окоти. И вот результат — университет бастует. Если же назначение университета — бастовать, то не лучше ли превратить его в зверинец... в котором будут обитать одни обезьяны?»

Мисима так и назвал свою статью в «Тюокорон», посвященную студенческим волнениям: «Превратим Токийский университет в зверинец».

Зная, как реагируют широкие слои японской общественности на захват университета полицией, Мисима подчеркивал, что, по его мнению, речь идет не о захвате университета полицией, а об освобождении его от «революционных элементов».

«Что произойдет, если Токийский университет станет освобожденным районом, где будет господствовать полное самоуправление, полная свобода, ничем не ограниченная личность? Что произойдет, если в центре города будет создан такой освобожденный район? Нужно объяснить это и преподавателям, и студентам, и общественному мнению. Что произойдет, если личность будет полностью свободной? Это будет ужасно. Воровство, грабежи, насилия, убийства — человек всегда несет в себе возможность снова превратиться в зверя. Да и я сам такой».

Студенты, считал Мисима, уже озверели. Сейчас в их руках камни и железные палки, но не исключено, что они прибегнут к пистолетам и ружьям, а может быть, и к атомному оружию, если оно попадет им в руки.

Зачем же понадобилось Мисима опорочить студенческое движение? У него было две цели — продемонстрировать несостоятельность, как теоретическую, так и практическую, этого движения и указать ту область, где «в полном блеске» могут проявиться потенциальные силы молодежи — войска самообороны. Молодежь видит славу в том, чтобы умереть на баррикадах революции, говорил Мисима. Героизм всегда привлекал молодежь. Следовательно, задача состоит в том, чтобы заменить чем-то эти «баррикады революции». Чем же? Войсками самообороны. Войска самообороны до последнего вздоха Мисима были прочной его привязанностью. Не случайно он прошел полный курс обучения солдата.

Писатель Хидэкацу Нодзима, выступивший недавно в журнале «Бунгаку-кай» с большой статьей об идейных взглядах Мисима, пишет:

«Нет ничего удивительного в том, что для Мисима война — «счастливое, золотое время». Он сам откровенно говорит об этом... Японию военных лет он провозглашает страной, «полностью высвободившей божественные силы мира «Кодзики»¹, а послевоенный мир он воспринимает как «возврат к трагедии разъединения богов и людей».

Как видим, идея Мисима проста — стащить молодежь с баррикад и отдать в солдаты. Тогда она перестанет бунтовать. Но молодежь не хочет идти в войска самообороны. Почему? Мисима был убежден, что виной тому непопулярность войск самообороны, отсутствие у них ореола славы.

«Япония не дает возможности молодежи удовлетворить ее стремления — отдать свою жизнь. И не только молодежи, но и всем своим гражданам».

Как известно, японский народ, в том числе и молодежь, выступает против «договора безопасности», видя в нем путь возрождения японского милитаризма. Мисима пытался найти формулу, которая бы позволила избежать выступлений молодежи против «договора безопасности» и вместе с тем сохранить, а может быть, даже и укрепить японскую армию. Нынешняя 160-тысячная японская армия, существующая под названием «силы самообороны», его не устраивала. Он хотел создания настоящей армии, которая насчитывала бы миллион человек. Только в этом случае, считал он, «оборона Японии будет обеспечена». Его при этом нисколько не смущал тот факт, что конституция Японии запрещает ей иметь регулярную армию. Более того, в своем обращении к солдатам «сил самообороны» он восклицал с пафосом: как вы можете защищать конституцию, отрицаящую ваше существование? Фактически это был призыв к мятежу.

Резко выступая против студенческого движения, Мисима пытался представить дело так, будто не приемлет не антиправительственную направленность борьбы молодежи, а лишь ее содержание.

«Я прекрасно понимаю недовольство студентов, понимаю, что выступления студентов имеют основания, но я решительно против «идеологического оформления» этого недовольства, против направления, в которое сознательно обращено это недовольство. Я против революции», — с пафосом восклицал Мисима.

«Революция — это значит предпочитать завтрашний день сегодняшнему. Думать же о будущем, о завтрашнем дне мне противно».

Мисима считал, что человек не должен жертвовать сегодняшним днем ради завтрашнего.

«...Любая строка, написанная сегодня писателем, должна выражать его полностью. Ведь завтра утром он, возможно, будет уже мертв. Не осознав этого, писатель не в силах написать сегодня ни строки... Творить для будущего — это ложь... Могут сказать, что Мисима не способен представлять себе будущее. Глупость. Будущее создается без меня. Я живу не ради будущего. Я живу ради себя, ради своей славы. Только в этой плоскости и может стоять вопрос о свободе слова, о свободе вообще».

Сентенции Мисима в значительной мере продиктованы тем, что он всегда стоял на позициях антикоммунизма. Еще в 1968 году на вечере вопросов и ответов в университете Васэда Мисима заявил:

«Мне обязательно нужен враг; я избрал коммунизм и сделал его своим врагом».

Во имя антикоммунизма он был готов даже отказаться от самых больших своих привязанностей. Мисима, казалось, ратовавший за возрождение национальной культуры, которая в последние годы, как он утверждал, все больше размывается, растворяется в «чуждой японскому народу западной культуре», ратовавший за сохранение национальных реликвий, буквально предавал свои взгляды, если возникала необходимость

¹ «Записки древности» (VIII в.).

солидаризироваться по проблемам культуры с коммунистами. Всего за месяц до самоубийства он писал в журнале «Тюокорон»:

«Я убедился, что идея защиты культурных ценностей принадлежит не столько консерваторам, сколько коммунистам. Они гордятся этим. Коммунистическая партия на выборах мэра Камакуры призвала: «Защитим нашу прекрасную Камакуру. Капиталисты разрушают Камакуру и ее памятники культуры — ради защиты прекрасной земли Японии и ее древней культуры голосуйте за кандидата коммунистической партии». Вот почему я возненавидел идею защиты культурных ценностей».

Ультранационалистические и милитаристские воззрения Мисима нашли определенный отклик в среде японской буржуазии. Духовное обнищание японского буржуазного общества, с одной стороны, и стремительный экономический взлет, с другой, — разве это не прекрасная почва для возвращения шовинизма?

Японские националисты и милитаристы убеждены, что Япония, превратившаяся в одну из крупнейших держав, достойна «лучшей участи», а ее третируют как «третьеразрядную страну». Выход один, считают они, — одновременно с экономическим поднять и военный потенциал Японии. Тогда, мол, она займет подобающее ей место в мире. Армия — вот куда должны быть обращены взоры тех, кто думает о будущем Японии. Старая философия милитаристов, уже стоившая японцам миллионов жизней. Но, как мы видим, философия живучая. Проводником ее был и Юкио Мисима.

В. ГРИВНИН